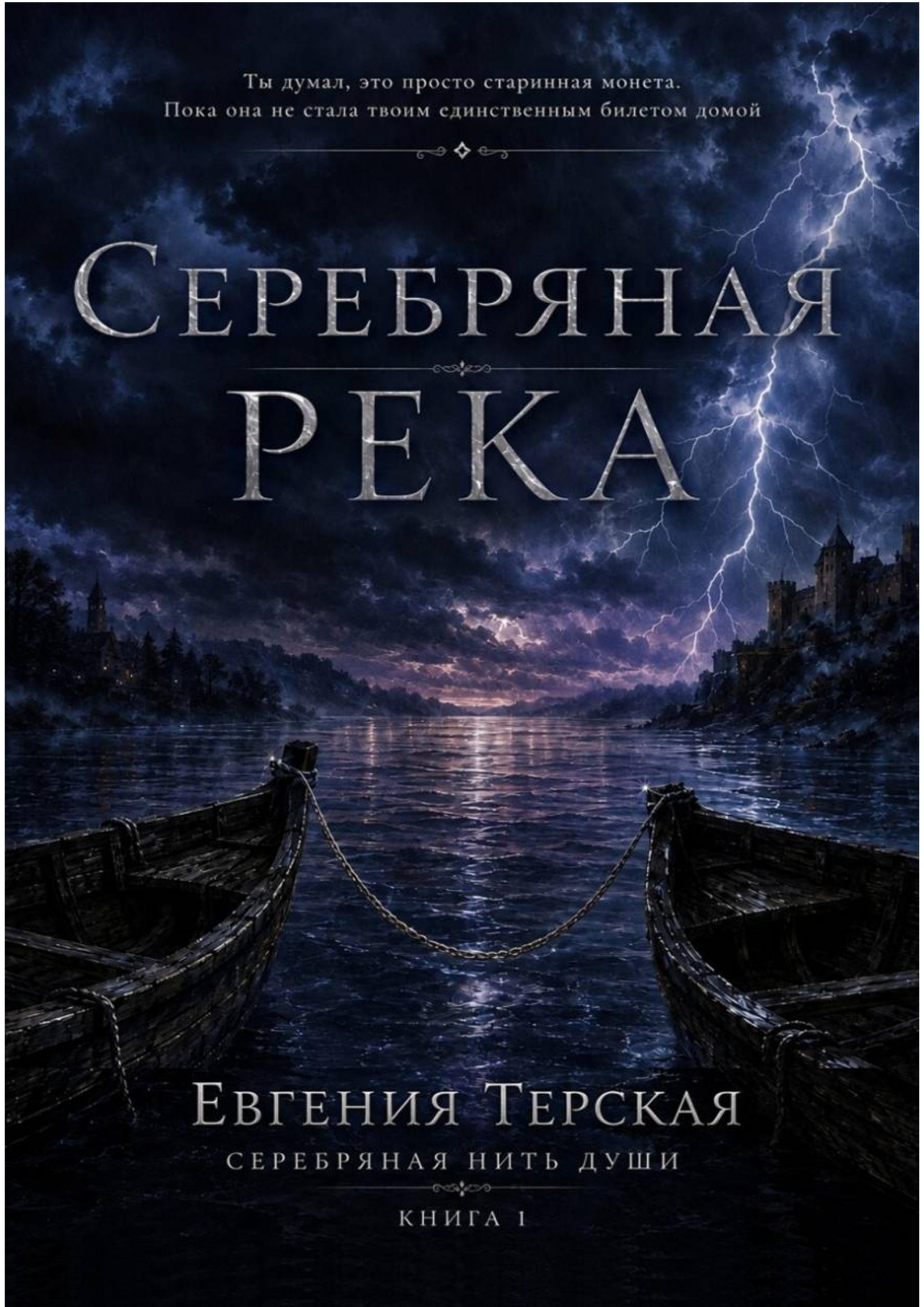

Ты думал, это просто старинная монета.
Пока она не стала твоим единственным билетом домой

СЕРЕБРЯНАЯ РЕКА

ЕВГЕНИЯ ТЕРСКАЯ

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ ДУШИ

КНИГА I

Серебряная нить души

Евгения Терская
Серебряная река

«Автор»

2026

Терская Е.

Серебряная река / Е. Терская — «Автор», 2026 — (Серебряная нить души)

Мэгги приезжает на археологические раскопки в Сиракузы и находит там древний серебряный обол. Она оставляет монету себе и носит как кулон, не подозревая, что однажды эта случайная находка изменит всю её жизнь. После падения в реку Мэгги приходит в себя в Англии XV века. Здесь нет ни привычного мира, ни возможности объяснить, кто она такая. Чтобы выжить, ей приходится скрывать своё происхождение, учиться жить среди чужих людей и помнить: в этом времени незнание местных правил может быть опаснее любой угрозы. Полгода спустя Мэгги встречает Уилла — человека из XXI века, который тоже оказался в прошлом и хочет вернуться домой. Оказавшись вдали от своего времени, они постепенно сближаются. Но между ними остаётся слишком много недосказанного — и однажды это может стоить им обоим всего. Им предстоит найти дорогу домой и понять, почему именно они оказались в XV веке. «Серебряная река» — мистический роман о любви, доверии и встрече двух людей, которым пришлось жить не в своём времени.

© Терская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Обол для Харона	6
Глава 2. Серебряный шорт-трек	10
Глава 3. Второе рождение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Серебряная река

Пролог

Из всех вод, протекающих между небом и землёй, нет ничего древнее и первее Стикс.

В те времена, когда мир ещё не имел твердых границ, она была старшей дочерью великого Океана. Но когда титаны восстали против молодых богов Олимпа, Стикс первой встала на сторону Зевса, приведя с собой своих детей — Силу, Власть и Победу. В знак благодарности Громовержец вознёс её имя превыше всех законов. С тех пор имя Стикс стало единственной неизменной клятвой богов. Даже бессмертный, дерзнувший нарушить присягу, данную её водами, на девять лет впадал в беспамятство, лишался дыхания и изгонялся из сонма олимпийцев.

Стикс — это не просто вода. Это отчаяние, боль и клеймо абсолютной границы. Семью чёрными кольцами она огибает поднебесный мир и царство мёртвых, разделяя то, что дышит, и то, что стало прахом. Её течению нет дела до человеческих веков, смены эпох или рушащихся царств — она течёт сквозь само Время.

На её туманном берегу вечно стоит Перевозчик.

Харон, порождение Мрака и Ночи, старше большинства богов. Мрачный старец с пылающим, неугасающим взором, он вечно правит своим утлым челноком. В его лодке нет места для тщеславия, царских корон или воинских доспехов — лишь для бесплотных, дрожащих душ, сошедших к хмурой воде. За переправу он берет плату: мелкая серебряная монета — обол, вложенная в ладонь или зажатая в зубах — знак того, что человек отпет и готов уйти.

Те, у кого нет монеты, обречены скитаться по холодным берегам вечность.

Но иногда в безупречном механизме вечности происходят редчайшие, едва уловимые сбои. Звёзды сходятся так, как не предвидели даже боги.

Стикс не знает человеческого календаря. Несколько месяцев, разделяющих две человеческие трагедии в XXI веке — упавшую с моста машину в проливной дождь и перевернувшийся во время шторма катер — для бездонных вод реки оказались лишь двумя короткими всплесками, последовавшими один за другим.

У обоих уходящих при себе был серебряный обол. И у обоих в груди билась одна и та же голодная, так и не утолённая жажда.

Один принимал за любовь яркую страсть и упрямый эгоизм, никогда не ведая, каково это — дышать с кем-то в один такт. Другая — носила в себе океан нерастраченного тепла и заботы, но израненная прошлым, спряталась за сухими убеждениями, решив, что обаятельные и красивые мужчины — это всегда обман и пройдошество. Оба отчаянно искали настоящее чувство, но так и не успели его познать.

Харон не задумывал этот узор специально. Старый Перевозчик лишь увидел, как два серебряных обولا блеснули в туманных водах почти одновременно, и почувствовал, как два искренних, но потерянных сердца притянулись друг к другу сквозь водоворот эпох.

Он не стал торопиться. Он просто высадил их на один и тот же берег в чужом, суровом пятнадцатом веке, почти в одной локации — там, где разгоралось пламя войны Роз. Высадил и опустил весло, оставив их наедине с суровым миром и друг другом.

Потому что даже у безжалостной реки Смерти иногда случаются совпадения, дарующие случайным странникам шанс узнать друг друга настоящими.

Глава 1. Обол для Харона

Проходя по длинному коридору кафедры, Маргарет Смит даже не взглянула на старинное зеркало в резной раме. Зачем? В голове всё равно крутились строчки из пятой песни «Одиссеи», а о себе в свои двадцать шесть Мэгги и без того знала всё. Золотистые волосы, вечно норовящие выбиться из строгой косы, зелёно-серые глаза и летопись веснушек на переносице. Ничего глянцевого, ничего изысканного — обычное, «живое» лицо.

Оксфорд был её домом. На кафедре классической филологии и антиковедения Мэгги чувствовала себя как рыба в воде. Там, где другие спотыкались о мёртвую латынь и сухость грамматических разборов, она слышала голоса. Мэгги читала на среднеанглийском так же свободно, как переходила на французский или итальянский, а греко-римскую мифологию знала до мельчайших нюансов.

В старых текстах всё подчинялось высшему порядку: за гордыней следовала кара, за верность воздавалось, за любовью стоял подвиг.

В жизни же логика ломалась на каждом шагу. Особенно в любви.

Два года её жизни принадлежали Мэттью Льюису. Мэтт работал консультантом на соседней, археологической кафедре, и его обаяние было настоящим стихийным бедствием. Мэгги не раз видела, как молоденькие студентки сбивались с мысли и густо краснели, стоит ему лишь улыбнуться на перерыве, а первокурсники-лаборанты вытягивались в струнку, когда Мэтт покровительственно хлопал их по плечу. У него были густые тёмные кудри, контрастные светлые глаза и та самая обворожительная, белозубая улыбка, перед которой невозможно было устоять. Мэгги искренне верила, что за этой харизмой скрывается нечто большее.

Год назад они вместе ехали на раскопки в Сиракузы — жара, пыль, сухой ветер и трепет от прикосновения к древности.

Именно там она впервые и увидела её.

Мэтт разбирал ящики с мелким ломом, отсеивая мусор от потенциально ценных находок. Мэгги зашла к нему в тент с двумя стаканами холодного лимонада и случайно заметила в пластиковом лотке среди черепков и ржавых гвоздей неказистую серебряную монету. С неровными, будто оплавленными краями и рваной дыркой ровно посередине.

— А это что? — Мэгги протянула руку.

Пальцы коснулись металла, и она замерла. В тени плотного тента серебро должно было быть ледяным. Но Мэгги провела подушечкой пальца по краю монеты и застыла: металл будто хранил чьё-то живое, глубокое тепло. Ей показалось? Или правда?..

— Да так, хлам, — Мэтт обернулся, на ходу вскидывая свои тёмные брови. Его светлые глаза блеснули, а уголки губ привычно поползли вверх, превращая любое сказанное слово в небрежную шутку. — Пойдёт на списание. Форма грубая, чеканка стёрта, да ещё и дыра по центру. Кто-то в древности либо украшение из неё лепил, либо испортил.

— Мэтт, она же серебряная. И на ощупь... странная.

— Мег, в Сиракузах этого «странного» серебра килограммы, — он легко подался вперёд и поцеловал её в щёку, обдав привычным ароматом дорогого парфюма. — Если хочешь — заberi себе. Всё равно в каталог не пойдёт.

— Серьёзно?

— Забирай. Считаю, сувенир на память. Это обол. Обычный древнегреческий обол. Такие в рот покойникам клали перед погребением, чтобы было чем заплатить Перевозчику.

Мэгги приподняла бровь и сжала серебро в кулаке: — Обол, значит? Повешу на цепочку и буду носить на шее. Если вдруг что — Харон точно меня через Стикс перевезёт, проездной-то уже оплачен.

Мэтт ослепительно улыбнулся и поцеловал её в висок.

Спустя полгода эта красивая улыбка превратилась в пыль.

Октябрьский вечер в Оксфорде выдался зябким. Мэгги должна была лететь на конференцию в Глазго, но в аэропорту выяснилось, что из-за технических неполадок рейс аннулировали, а сам форум перенесли на несколько дней.

Уставшая, с тяжёлым чемоданом, Мэгги поймала такси. Квартиру они снимали вместе. Время перевалило за midnight, и Мэгги старалась не стучать каблуками, поднимаясь по лестнице: была уверена, что Мэтт давно спит — завтра у него стояли две лекции подряд.

Но под дверью пробивалась полоса света.

Мэгги тихо повернула ключ, шагнула в прихожую и застыла.

На паркетe, начиная от самого входа, алой змейкой тянулась дорожка из лепестков роз. Свежих, пышных, явно купленных в дорогом салоне за углом. Мэгги нахмурилась. С каких пор Мэтт стал романтиком? Для неё он лепестков никогда не покупал.

Из закрытой двери ванной доносился шум воды, смех и женский голосок — капризный, протяжный.

Мэгги медленно опустила чемодан. Пальцы сами сжались в кулаки. Она подошла и дёрнула ручку на себя.

Картина была достойной дешевой комедии. Мэтт и знойная брюнетка сидели в густой пене. На бортике отпотевала бутылка шампанского.

— Мэгги?! — Мэтт выскочил из воды так, будто его обдало кипятком. Красивое, породистое лицо исказилось, он судорожно цеплялся за полотенце, путаясь в собственном белье. — Мег, постой! Ты же... ты же должна быть в Глазго! Это... это не то, что ты думаешь! Она просто... мы просто...

Брюнетка в ванной визгнула и прикрылась пеной, с любопытством разглядывая «законную хозяйку».

Мэгги смотрела на Мэтта. На его тёмные мокрые кудри, липнувшие ко лбу, на испуганные светлые глаза, на лепесток розы, прилипший к его мокрой пятке. Внутри не было ни взрыва, ни истерики. Была только оглушительная, ледяная пустота и осознание: вся его обворожительная внешность, харизма, белозубая улыбка — всё это оказалось лишь яркой обёрткой для обычного, мелкого пройдохи.

— Мег, ну подожди! Давай поговорим! — лепетал Мэтт, пытаясь натянуть джинсы на мокрое тело.

Маргарет не сказала ни слова. Она просто развернулась, взяла чемодан, вышла из квартиры и захлопнула дверь.

Она шла по ночному Оксфорду, не разбирая дороги. Холодный мелкий дождь колотил лицо, колесики чемодана одиноко стучали по брусчатке.

«Ты же должна быть в Глазго...» — крутилось у неё в голове. — «Господи, какая же я дура. Кудри, светлые глаза, улыбочка — и я попалась, как глупая девчонка».

Она дошла до сквера неподалеку от университетского парка и бессильно опустилась на мокрую скамейку под старым дубом.

И только здесь её наконец накрыло.

Мэгги уткнулась лицом в ладони и тихо, отчаянно зарыдала. Слезы жгли щёки. Ей было не просто больно — ей было стыдно. За свою слепоту, за эти два года, за то, что она искренне верила, будто её тепло и забота кому-то нужны.

В этот момент внутри неё завязался плотный, горький узел: *красивые, обаятельные мужчины с обворожительной улыбкой — это всегда обман. Пройдохи, гуляки и предатели.*

— Ну почему?... — прошептала она в темноту, вытирая щёки. — Почему со мной всегда так?..

Рука автоматически опустилась к груди. Пальцы нащупали сквозь свитер тонкую цепочку и сжали висящий на ней медальон.

Серебряная монета со сквозной дыркой посередине. Тот самый обол из Сиракуз.

В этот раз сомневаться не приходилось — монета была тёплой. Обжигающе, физически тёплой среди промозглой оксфордской ночи.

(Прошло четыре месяца)

Зима в Оксфорде пахла старой бумагой и пылью в архивах. Яркие краски из жизни Маргарет исчезли не разом, а по капле, как чернила, смытые дождём. Мэгги замкнулась. Её миром стала маленькая съёмная квартира и тишина библиотек. Она с головой ушла в работу: берет дополнительные часы, проверяет курсовые до полуночи, переводит туманные средневековые рукописи — всё, лишь бы не оставлять ни единой свободной минуты для мыслей.

Она научилась обходить красивых мужчин по дуге, а если на кафедре кто-то пытался оказать ей знак внимания или ослепительно улыбался, внутри Мэгги тут же срабатывала ледяная броня. Хватит. Обаянию она больше не верила.

Единственной постоянной деталью в её новой жизни стала серебряная монета на шее. Мэгги ловила себя на том, что в моменты усталости машинально сжимает её через ткань свитера. Обол больше не казался горячим, но он всегда сохранял комфортное, едва уловимое человеческое тепло — будто напоминание, что она всё ещё жива.

В пятницу вечером Мэгги вернулась из библиотеки около девяти. Измотанная, с тяжелой головой, она бросила смартфон на кровать и сразу ушла в душ, чтобы смыть с себя усталость затянувшейся рабочей недели.

Выйдя из ванной с полотенцем на волосах, она взяла телефон. Экран светился уведомлениями: тридцать пропущенных вызовов и одно длинное голосовое сообщение на автоответчике. От Эммы Флинн — её старой школьной подруги из Северной Ирландии.

Мэгги нажала на воспроизведение и прислонилась спиной к стене.

Из динамика смартфона огласил комнату громкий, сочный и невероятно эмоциональный голос Эммы:

— *Эй, Мэг! Ты где опять илешься? Снова свои фоллианты пыльные пылесосишь?—* Эмма перевела дыхание, и на заднем фоне послышался шум какого-то бара. — *Слушай сюда и не перебивай! У нас в Белфасте через неделю намечается встреча одноклассников. Десять лет, между прочим! Так что давай, бросай свою макулатуру, бери отгулы и приезжай! Слышишь? Отказы не принимаются!*

Мэгги устало улыбнулась, качая головой. Эмма была единственным человеком, способным пробить любой панцирь.

— *Будут вообще все!—* продолжала вещать голосовая почта. — *И даже... барабанная дробь... твой школьный краш Джон Ривз! Ты же помнишь его? Боже, Мэг, он сейчас такой красавчик! Высокий, подтянутый, бизнес какой-то крутит... Не то что в школе — помнишь, какая он был жиробасина?—* Эмма звонко и беззаботно хохотнула в микрофон, так что звук аж исказился. — *В общем, жду тебя! Никаких отговорок. Целую нежно в носик, Мэг. Ждууу тебяяяя!*

Запись завершилась.

Комната снова погрузилась в тишину. Мэгги стояла, слушая, как за окном стучит оксфордский дождь. Белфаст... Дом. Дорога через шотландские нагорья и паром или штормовое шоссе.

Идея остаться дома казалась невероятно заманчивой. Мэгги разблокировала экран и открыла приложение новостей, надеясь найти хотя бы один разумный повод никуда не ехать.

Первой же строчкой висела сводка погоды. Диктор в видеоролике с тревожным лицом предупреждал о приближении мощного циклона со стороны Ирландского моря: «*Ураганное предупреждение объявлено по всему северо-западу. Аэропорты Манчестера и Ливерпуля временно приостановили вылеты, рейсы в Белфаст аннулированы...*»

— Ну блеск, — пробормотала Мэгги. — И как мне ехать?..

По логике, это был идеальный предлог остаться. Написать Эмме, сослаться на шторм, заварить какао и обложиться книгами. Но внутри что-то упрямо бунтовало. Четыре месяца в четырёх стенах превратили её жизнь в склеп.

— А, ладно. Поеду на машине. Все равно пить я не собираюсь.

Она невольно улыбнулась, вспомнив их бешеные студенческие загулы по пабам Белфаста. Эмма и «я не собираюсь пить» — вещи абсолютно несовместимые. С этой девчонкой невозможно было оставаться серьезной.

«— *Ну ещё ма-а-аленький бокальчик, Мэг, и всё! Трезвеем и идём домой!*» — задорный голос подружки до сих пор звучал в ушах.

В тот раз «маленький бокальчик» закончился тем, что они до пяти утра гуляли по набережной, на весь голос оря какие-то дурацкие ирландские баллады. На них даже вызвали полицию за нарушение спокойствия, и им пришлось два часа сидеть в мокрых кустах возле городской библиотеки, затаив дыхание и давясь от смеха каждый раз, когда мимо медленно проезжала патрульная машина.

Мэгги тихо засмеялась. Впервые за четыре месяца.

— Всё, еду на машине, — твердо решила она.

Сборы не заняли много времени. Небольшой чемодан, тёплый свитер, непромокаемая куртка. Выходя, Мэгги заскочила на первый этаж и оставила дубликат ключей своей пожилой соседке, миссис Паркер, попросив её полить цветы в отъезде.

Сев за руль своего скромного хэтчбека, Мэгги выехала из Оксфорда.

Дорога на север встретила её ливнем, который с каждым часом становился все злее. Дворники работали на пределе, бешено мотаясь из стороны в сторону. Ветер швырял в лобовое стекло сплошные стены воды, а в темноте за окнами машины гудел шторм.

Она уже подъезжала к мосту, протянувшемуся над бушующей, разлившейся от дождей рекой, когда ветер ударил в бок машины с невероятной, ураганной силой.

Вспышка молнии на мгновение ослепила глаза. На мокром асфальте машину повело. Мэгги отчаянно ударила по тормозам, выкручивая руль, но тяжелый хэтчбек потерял сцепление с дорогой. Раздался оглушительный скрежет металла о ограждение — и авто вылетело с моста прямо в бушующую, ледяную тьму.

Встречный поток ледяной воды мгновенно заполнил салон. Легкие обожгло холодом. Удар, темнота, уходящая из-под ног реальность...

Мэгги уже погружалась на самое дно, теряя сознание, когда её пальцы в последнем судорожном жесте сжали серебряную монету на шее.

Обол отозвался. Он вспыхнул внутри невыносимым, обжигающим теплом, разрывая ледяную воду. И в этот миг реальность, которую Мэгги знала, рассыпалась, как песок сквозь пальцы.

Глава 2. Серебряный шорт-трек

Офис редакции *The Daily Telegraph* в лондонском Виктория-Парке гудел, как разоволоченный улей. Вторничный дедлайн накрывал отдел расследований, но на кофе-поинте, как всегда, шли разговоры обо всём на свете.

— Помнишь тот дикий весенний ураган? — старший редактор Хью, отхлебывая из кружки, качнул головой в сторону окна, где жарило сухое августовское солнце. — Полгода прошло, а фермеры в Камбрии до сих пор счета страховым выставляют. У одного ветром слизнуло целую отару овец вместе с загоном. Пять штук вообще так и не нашли — улетели в Ирландское море, не иначе.

— Скажи спасибо, что в Лондоне тогда только крышу на старом складе сорвало, — отозвался Уилл, проходя мимо с планшетом в руках.

Он улыбнулся — легко, с той самой теплой, чуть лукавой искоркой в глазах, которая действовала на людей гипнотически. Уилл Уорд был чертовски хорош собой. Высокий, атлетично сложенный, с широкими плечами, подтянутой фигурой и кубиками пресса, которые угадывались даже под элегантным кроем рубашки. В нём сочеталась непринуждённая уверенность и природная харизма. В свои тридцать он уже сделал имя в журналистике, но при этом жил на полную катушку: обожал спорт, зимой не вылезал с альпийских лыжных трасс, а всё свободное время отдавал воде и парусным гонкам.

Пожалуй, единственным по-настоящему профессиональным его качеством, помимо введливой дотошности в расследованиях, была способность читать людей — почти без усилий, с одного взгляда. Уилл видел, когда министр на пресс-конференции блефует, за секунду до того, как тот откроет рот. Видел, когда свидетель говорит правду, а когда просто хочет понравиться диктофону. Коллеги в шутку звали его «детектором лжи Флит-стрит» — и Уилл этим тихо гордился. Забавно было то, что этот дар почти никогда не включался, когда дело касалось его самого.

— Опять эта твоя порода, — хмыкнул Хью, кивнув на снимок Стефани, приколотый к пробковой доске у стола Уилла — гляцевый, с обложки какого-то светского журнала. — Сколько их у тебя было? Пятая? Шестая за десять лет?

— Не считал, — беспечно отозвался Уилл, не отрываясь от планшета.

— А я вот посчитал, — Хью со вкусом отхлебнул кофе. — Все как на подбор: красотки, каждая ослепительнее прежней, каждая обожает внимание, каждая скорее умрёт, чем откроет книгу без картинок. Ты в этом смысле на удивление предсказуем для человека, который зарабатывает на жизнь тем, что вскрывает чужие тайны.

— Со мной легко, — пожал плечами Уилл. — Никаких сложных разговоров о смысле жизни за завтраком. Красиво, весело, необременительно. Что в этом плохого?

— Ничего, — Хью примирительно поднял ладони. — Просто интересно, что бы ты сделал, если бы однажды тебе на пути попала женщина, которая не покупается на твою улыбку с первого раза.

Уилл рассмеялся — легко, уверенно, с той самой лукавой искрой в глазах, от которой женщины на другом конце редакции забывали, что делали.

— Такой не существует, Хью.

Он в это искренне верил. Собственная неотразимость была для Уилла такой же данностью, как гравитация: непреложным законом природы, с которым бессмысленно спорить. Он никогда не выбирал женщин — скорее выбирал настроение, атмосферу, в которой хотел находиться, и в эту атмосферу неизменно вписывались женщины одного типа: яркие, эффектные, не склонные копать глубже поверхности. С такими было спокойно. С такими не нужно было ничего доказывать — только появиться и улыбнуться.

Но сегодня мысли Уилла были далеко от работы. Через три дня у него была помолвка.

Стефани была идеальной. Они познакомились полтора года назад на этапе Кубка мира по шорт-треку в Милане. Уилл прилетел туда освещать турнир для спортивного разворота, а Стеф приехала поддержать своего младшего брата, выступавшего за национальную сборную. Спортивный азарт, запах льда, бешеный драйв трибун — и взрывной коктейль из породистой красоты Стефани. Роскошные каштановые волосы, ниспадающие мягкими волнами по плечам, точёная фигура и тёмные, бархатно-карие глаза.

Стеф была из тех девушек, для которых мир существовал в первую очередь как хорошо освещённая сцена. Инста-аккаунт на триста тысяч подписчиков, безупречный загар в любое время года, стойкая привычка поворачивать голову к любой камере в радиусе десяти метров — будто по встроенному рефлексу. Она искренне не понимала, как можно добровольно провести субботний вечер за книгой, если можно провести его в баре с видом на Темзу. Уилла это не смущало — даже забавляло. Ему нравилась её лёгкость, её абсолютная свобода от рефлексии. Со Стеф не нужно было ничего объяснять или доказывать — только фотографироваться в правильном свете и хорошо проводить время.

Она не смогла устоять перед его атлетичной статью и легкостью, с которой он держался. Вскоре они уже вместе штурмовали заснеженные склоны на лыжах, соревновались в заплывах и вели громкие, страстные споры. Со Стеф было легко, остро и пьяняще. Уилл был свято убеждён: именно это и есть та самая настоящая любовь.

Суббота встретила их лёгким бризом. Уилл сам был страстным яхтсменом, но его собственная старенькая, подержанная парусная лодка, которую он годами латал в доках, явно не подходила для такого дня. Для Стефани он не пожалел сбережений и зафрахтовал роскошную двухпалубную яхту «*Aura*». Белоснежное судно плавно спустилось по широкой глади Темзы к её величественному эстуарию — туда, где речные воды смешиваются с соленым дыханием моря.

На борту царила атмосфера безупречного праздника: бесшумно скользили официанты в белоснежных перчатках, разнося канапе и охлаждённое шампанское, а приглашённый фотограф ненавязчиво ловил в объектив счастливые кадры.

Стефани, сбросив солнцезащитные очки и опёршись о борт, откинула назад густые каштановые волны волос. В её тёмных карих глазах плескался азарт.

— Ну что, Уорд, долго будешь томить? — игриво прищурилась она.

Уилл улыбнулся своей фирменной, слегка лукавой улыбкой. Он подал знак фотографу, сделал шаг вперёд и плавно опустился на одно колено прямо на тиковую палубу.

Официанты замерли, щелчки затвора камеры участились.

Уилл достал из внутреннего кармана пиджака бархатную коробочку и откинул крышку. Внутри, переливаясь в лучах августовского солнца, вспыхнул роскошный бриллиант чистойшей воды в изысканной оправе.

— Стефани Кинкейд, ты согласна стать моей женой?

Стеф ахнула, прикрыв ладонью губы. На её щеках расцвел яркий румянец, а карие глаза засияли от искреннего восторга.

— Да! Боже, Уилл, да! — выдохнула она.

Уилл поднялся, надел кольцо на её тонкий пальчик и притянул Стеф к себе для долгого, страстного поцелуя под вспышки камеры.

— Но у меня тоже есть подарок для тебя, — шепнула Стеф, отстранившись и сияя от счастья. — Ты думал, только ты умеешь делать сюрпризы?

Она достала из сумочки небольшой бархатный мешочек со шнурком и вложила в его ладонь.

Уилл нахмурился с приятным удивлением, развязал шнурок и высыпал на ладонь массивную серебряную монету с неровными краями. На потемневшем от времени металле проступал

чёткий, глубокий чекан: с одной стороны угадывался строгий профиль, а на обороте перекрещивались вёсла и трезубец. Монета выглядела древней, но вопреки ожиданиям не застуживала пальцы, а сразу отзывалась непривычным, живым теплом от своего тяжёлого веса.

— Стеф... Это же...

— Настоящий античный обол, — гордо улыбнулась она, проведя пальчиком по его плечу. — Я специально летала за ним в Афины к одному известному коллекционеру, когда ты был в командировке. Я же знаю, как ты горишь своей будущей книгой о древних мифах. Подумала, что автору масштабного расследования о легендах нужен свой собственный путеводный артефакт.

Уилл изумленно разглядывал монету, взвешивая её на ладони. Он был поражён — Стеф действительно прониклась его мечтой.

— Это потрясающе, — тихо проговорил Уилл.

Он поднёс древнее серебро к губам, ощутив его сухую, вьёвшуюся в металл прохладу, и убрал монету во внутренний карман пиджака — прямо к сердцу.

— Буду хранить его ближе к сердцу, моя королева.

Они не заметили, как изменилась река.

Ещё пять минут назад Темза казалась плотной, почти лакированной гладью, лениво отражавшей свет августовского солнца. Но шторм не просто пришёл — он выскочил из засады. Горизонт над эстуарием в считанные секунды налился свинцовой тяжестью, и река переродилась. Нагретая за день вода вдруг вспучилась, потемнела до черноты и пошла злыми, частыми гребнями. Темза будто взбунтовалась, превратившись в голодное, дышащее колючей студёностью брюхо.

Первый порыв ветра ударил в борт как таран. Белоснежную «*Aura*» резко накренило. Зазвенели, разлетаясь по палубе вдребезги, хрустальные бокалы, Стеф коротко и испуганно визгнула, теряя равновесие.

— Стеф, держись! В каюту! — рявкнул Уилл, рванувшись к ней.

Вода за бортом забурилась грязной пеной. Огромный мутный вал рухнул прямо на корму, мгновенно смывая лоск праздника: дорогие закуски, салфетки, вспышки камер — всё потонуло в речном гуле. Яхту подбросило и тут же с сокрушительной силой бросило вниз.

Уилл успел толкнуть Стеф в сухой проём каюты, но сам удержаться не смог. Скользкий тиковый настил ушёл из-под ног, очередной удар сбил с ног — и река сдёргнула его в свою тёмную утробу.

— Уилл! — глухо донеслось откуда-то сверху, прежде чем мир окончательно перевернулся.

Грязная, тяжёлая вода с оглушительным треском сомкнулась над головой. Намокший пиджак свинцом потянул вниз, к илистому дну. Уилл попытался вынырнуть, но сильное течение подхватило его и швырнуло на глубину.

Легкие сжало висками. Невольный, судорожный вдох — и обжигающая речная вода заполняет гортань. В груди вспыхнул дикий пожар. Пальцы сковало оцепенение, а сознание стало стремительно гаснуть.

В последнем спазме угасающего тела пальцы Уилла судорожно рванулись под намокшую ткань, накрыв нагрудный карман.

Пальцы сжали монету.

И в тот же миг внутри этого удушливого ада произошло нечто невозможное.

Обол у сердца взорвался тихим, живым, прожигающим насквозь теплом. Оно мгновенно вытеснило жгучий речной мрак, разрывая тиски глубины. Чернота Темзы рассыпалась вспышкой света, а шум бурлящей воды сменился оглушительной, абсолютной тишиной.

Глава 3. Второе рождение

Сознание возвращалось толчками, через адскую, разрывающую тело боль.

Мэгги не могла понять, где она. Каждое дыхание отзывалось тупой, свинцовой тяжестью в рёбрах, лицо горело, а саднившая кожа словно была сплошной открытой раной. Капли пота или сырости стекали по виску, но сил поднять руку и вытереть их не было совсем.

Сознание прояснялось медленно, выхватывая из липкой темноты отдельные звуки: треск сухих поленьев в очаге, глухое гудение воды за бревенчатой стеной и тяжёлое, хриплое дыхание совсем рядом.

Мэгги со скрипом разомкнула опухшие, растрескавшиеся губы. Над ней смутно вырисовался силуэт. В глаза бросилось странное, изрытое морщинами лицо женщины — надвигающееся, нависшее прямо над ней. Когда та наклонилась ниже, Мэгги разглядела редкие, пожелтевшие остатки зубов и почувствовала густой, вёдливый запах варёного лука, прелой соломы и какого-то дикого травостоя. На женщине был непонятный, грубый чепец и серый чехол из нечёсаной шерсти.

— Очнулась, сердешная... — прошамкала женщина, и её голос прозвучал как шелест сухой травы.

— Где... я?.. — едва слышно выдавила Мэгги. Своё собственное горло казалось засыпанным песком.

Но отвечать ей никто не стал. Сил удерживать ускользающий мир не хватило: темнота снова сомкнулась над головой, утягивая её в глухое небытие.

Её выхаживала жена местного мельника — плотная, остроносая женщина по имени Элспет. Как Мэгги узнала намного позже, пробиваясь сквозь бред и горячку, ей сотворили настоящее чудо.

Её нашли два деревенских мальчишки, ловившие пескарей чуть ниже по течению реки. Они замешкались у мелководья, когда увидели, как среди коряг и наносного ила зацепилось человеческое тело.

Мэгги выглядела так, будто река перемалывала её несколько дней подряд. Пальцы были сбиты в кровь, а всё тело покрывали глубокие ссадины и тёмно-фиолетовые синяки. Лицо было разбито о речные камни, правая щека распухла, но серебряный обол всё так же лежал в её сжатом кулаке, когда мальчишки вытаскивали её на глинистый берег.

Дни слились в непрерывную череду горячечного бреда и тихой, суровой заботы травяных отваров да лукового бульона, который Элспет насильно вливала ей в рот.

Когда лихорадка наконец спала, жена мельника принесла ей «одежду».

— Держи, прикрой срам, — Элспет швырнула ей на тюфяк охапку пахнущей дымом и прелой шерстью ветоши.

Это было старое сермяжное платье, давно потерявшее первоначальный цвет и превратившееся в нечто буро-серое. Оно было сплошь покрыто грубыми заплатами из разных обрезков ткани, с подшитым холщовым подолом и заскорузлыми рукавами. Ткань оказалась колючей и жёсткой, но выбирать не приходилось. Её собственные вещи — современную куртку и джинсы, превращённые рекой в рваные тряпки, — Элспет спалила в очаге ещё в первую неделю горячки. Деревенские свято верили, что хворь въедается в ткань, и чтобы выжить лихорадку из тела, нужно пустить её одежду по дыму.

Мэгги подпоясалась обрывком пеньковой верёвки, спрятала волосы под простой холщовый чепец и впервые посмотрела на своё отражение в ведёрной воде. Из тёмной глади на неё смотрела чужачка: со шрамом на щеке, в заплатанном мешке вместо платья, с огрубевшими руками... Но эта чужачка была жива.

Первый разговор с хозяином дома был коротким. Мельник — кряжистый, угрюмый мужик по имени Барнаби — смерил её тяжёлым, оценивающим взглядом, точно лошадь на ярмарке, и густо сплюнул под ноги.

— Ожила, значит, — буркнул он, вытирая мучные руки о грязный фартук. — Хлеб у меня не бесплатный, девка. Жрать хочешь — иди к Элспет. Не сможешь работать — пойдёшь вон. Нам лишних ртов не надо.

Мэгги молча кивнула. В этом времени у женщины без семьи, без земли и без мужчины права были точно такие же, как у бродячей собаки.

Позже, по обрывкам разговоров на кухне, она собрала для себя что-то вроде прайс-листа этого мира. Подённый батрак в страду получал пенни в день — этого едва хватало на ломоть сала и кружку кислого эля. Годовое жалование пастуха, если повезёт с хозяином, составляло десять-двенадцать шиллингов, из которых половину неизменно съедали штрафы за потравленный луг или отбившуюся от стада овцу. Тот самый хлеб, который Барнаби подавал как милостыню, стоил четверть пенни за буханку — и было почти смешно думать, что в её прежней жизни она, не задумываясь, оставляла вчетверо больше на утренний кофе навынос, который выпивала за пять минут по дороге в архив.

Ей выделили угол в дальнем сарае — полутёмном, продуваемом всеми ветрами пристрое. Первые ночи Мэгги куталась в единственное рваное веретё, кусая губы от холода и страха. Но вместо того чтобы плакать, она действовала. За первые два месяца она выскребла этот сарай до последней сухой соломинки, залатала щели глиной вперемешку с соломой, устроила сухое ложе и принесла плоский камень, чтобы ставить единственный огарок. Её «жильё» стало чистым, насколько это вообще было возможно в средневековой деревне.

С работой тоже не церемонились. Прясть Мэгги пробовала, но тонкая нить цеплялась за заусенцы на её пальцах, рвалась, и Мэгги каждый раз вздрагивала от этого звука — будто кто-то царапал по стеклу. Это вызывало лишь раздражение Элспет, поэтому от веретена девушку быстро отстранили, перебросив на другую работу.

Каждое утро начиналось до рассвета. Мэгги чистила свинарник и коровник, выгребая тяжёлые, парящие на морозе пласты навоза деревянной лопатой. Она носила ледяную воду из реки в тяжёлых вёдрах, от которых на плечах вскоре образовались тёмные мозоли, мыла щелоком жирную посуду и доила строптивую козу.

Когда её ставили помогать при самой мельнице, работа оказывалась совсем не той тихой, механической идиллией, какой Мэгги представляла её по картинкам. Огромное колесо, приняв на лопасти напор реки, задавало ритм всему зданию: пол под ногами мелко дрожал, деревянный вал глухо постанывал в своих гнёздах, а верхний жёрнов с сухим, неотвязным скрежетом тёрся о нижний, перемалывая зерно в муку. Барнаби на слух определял, не сбился ли помол — стоило жёрнову засориться или пойти неровно, звук менялся на полтона, и он тут же орал остановить колесо, пока камень не искрошился. Мэгги подставляла холщовые мешки под жёлоб, вдыхая тёплую, сладковатую мучную пыль, что оседала на ресницах и забивалась в горло, и старалась не думать о том, что этот же самый скрежет через месяцы станет для неё таким привычным, что она перестанет его слышать вовсе.

Руки — раньше гладкие, с аккуратным оксфордским маникюром — покрылись ссадинами, огрубели, а ногти ломались под корень. Невзрачная, грязная, вечно занятая работой девка привлекала куда меньше опасного мужского внимания, и Мэгги это устраивало.

Главным её правилом стала **невидимость**.

Мэгги прекрасно понимала: показывать свои знания — смертельно опасно. Если бы она случайно обмолвилась об арифметике, географии или, не дай бог, о гигиене, местный приходской священник и деревенские мгновенно срубили бы её судьбу. «Девка из реки, говорит странно, знает слишком много» — идеальная формула для обвинения в ереси и сношении с нечистым.

Поэтому она притворялась глуповатой, молчаливой и покорной. Она кротко ходила со всеми на воскресную службу в местную каменную цервушку. В своей прошлой жизни Мэгги была абсолютным атеистом, но здесь она механически опускала глаза в пол. Она складывала пальцы так, как все. И ненавидела себя за это ровно столько же, сколько благодарила за то, что это её спасает. Эта фальшивая покорность стала её главной броней.

Но со временем церковная служба перестала быть для неё только представлением на публику. Здесь не было календарей и часов в привычном смысле, зато был свой, куда более живой счёт времени: Михайлов день, когда убирают ячмень, пост перед Рождеством, когда даже скотине доставалось меньше корма, день святой Агаты, покровительницы пряльщиц, когда бабы на час бросали веретёна и просто пели. Мэгги, привыкшая мерить год семестрами и дедлайнами, поймала себя на том, что начинает мыслить этим же церковным годом — не потому что уверовала, а потому что он, в отличие от её прежней жизни, хоть как-то держал время на месте.

Первое время Мэгги мучила судорожная, почти параноидальная потребность узнать: *какой сейчас год?*

Первая же попытка спросить об этом Элспет провалилась треском. Когда Мэгги аккуратно поинтересовалась, сколько лет прошло от Рождества Христова, жена мельника лишь вылупилась на неё, как на сумасшедшую, перекрестилась и буркнула: «Ты б ещё спросила, сколько песчинок на дне реки, безумная. Пятнадцатое лето от последнего мора, вот сколько! Перед святым Михаилом ячмень убрали, а через два месяца после Пасхи подрост твой леший».

Календарей здесь не существовало. Время измерялось урожаями, праздниками святых и годами правления королей, которых крестьяне в глаза не видели.

Мэгги пришлось действовать хитрее. Она стала осторожно подслушивать разговоры мужиков на мельнице, когда те привозили зерно, и аккуратно выпытывать у прохожих торговцев новости под видом наивной деревенской дурочки.

— А правда ли, дяденька, что на югах опять беспокойно? — лепетала она, прижимая к груди пустую корзину.

— Где беспокойно? — плевал в грязь старый заезжий угольщик. — А-а, в Херефордшире-то? Дык знамёна лорда Уорика опять видать. Говорят, йоркисты под Шрусбери обоз королевцы пощипали. Сидели б дома, окайные, лишь бы хлеб не жгли...

Имя «Уорик» ударило по вискам, как ледяной дождь. Мэгги сжала пальцы так, что ногти впились в ладони, и заставила себя не поднимать глаз.

Как филолог, Мэгги замечала, как язык лгал мягче, чем жестокая реальность. «Пощипали обоз»... В её XXI веке так говорили про мелких хулиганов. А здесь, в пятнадцатом столетии, это означало только одно: разграбили, сожгли и безжалостно вырезали всю охрану.

Йоркисты... Граф Уорик... Обоз королевцы Маргариты...

Как филолог, Мэгги знала достаточно, чтобы понимать: это было время больших усобиц между знатными домами, где имена герцогов и графов у власти менялись чуть ли не ежегодно, а простые люди платили за эту грызную кровью и пепелищами. Середина пятнадцатого века. Самое тёмное, беспощадное время в истории Англии.

Когда же её саму изредка спрашивали заезжие крестьяне или слуги мельника: «А ты сама-то откуда, девка? Чьих будешь?», Мэгги охватывала судорожная тревога.

Однажды она попыталась назвать маленькое местечко, которое помнила по старинным картам. — Из-под Маркли мы... — выдавила она. — Из Маркли? — насупился собеседник. — А церковный приход чей? Кому святому молитесь там?

Мэгги обожгло осознанием: она не знает приходского святого! В этом мире церковный приход был главным паспортом. Ей пришлось мгновенно изобразить глухоту, испуганно захлопать глазами и запричитывать, что сгорела деревня от рук разбойников, а она от страха и удара всё позабыла. Это пронесло, но урок Мэгги усвоила навсегда: молчание — единственная гарантия выжить. Для всех она стала просто Мэгги, дурочкой из реки.

И, конечно, обол.
Серебр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.